

**Посвящается Али и Лидии:
СЕСТРЫ И ДРУЗЬЯ НАВЕК!**

Содержание

<i>Введение: Сестра, друг, судья</i>	9
Глава 1. Восход Солнца и Луны	14
Глава 2. Сестры и война	46
Глава 3. Любовь в теплом климате	77
Глава 4. Долгое прощание	111
Глава 5. «Псих или дурак»	139
Глава 6. «Мой дорогой премьер-министр»	172
Глава 7. Принц и танцовщица	201
Глава 8. «Секс, секс, секс»	233
Глава 9. Крутая Британия	261
Глава 10. «Я тебя ненавижу»	279
Глава 11. «Мой дорогой ангел»	297
Глава 12. Бутоны и роза	327
<i>От автора</i>	355
<i>Примечания</i>	357
<i>Избранная библиография</i>	375
<i>Фотографии</i>	378
<i>Об авторе</i>	379

Введение

Сестра, друг, судья

Теперь все стало по-другому. Никакой тебе «Лилибет» по любому поводу и без, а значит, прощай непринужденная простота общения, объединявшая двух сестер перед лицом остального мира. Сейчас их разделяла дистанция — выверенная и едва осознаваемая, но все же дистанция. Она сокращалась, когда сестры оставались наедине. Но при слугах и посторонних приходилось соблюдать формальности. Когда кто-то невзначай говорил «Ваша сестра», принцесса Маргарет надменно и резко поправляла: «Вы имеете в виду королева?» После недавнего вступления Елизаветы на престол сестер, у которых некогда была общая спальня, разделял взвод ревнителей придворного протокола, подсчитывавших каждую минуту в ее плотном расписании. Не могло быть и речи о том, чтобы прийти без предупреждения. От этой привычки с трудом отвыкал их дядя Луис Маунтбеттен — герой вой-

ны, советник и назойливый интриган, сующий свой нос во все дела.

Маргарет подгадала удачный момент. В этот холодный декабрьский день 1952 года, накануне поездки на ежегодное семейное Рождество в Сандрингем, молодая королева изучала детали церемонии коронации. Маргарет проследовала за лакеем в красном жакете мимо работ Каналетто и «Дианы и Актеона» кисти Гейнсборо. На пороге роскошных Бельгийских покоев Букингемского дворца ее приход был надлежащим образом возвещен. Она назвала сестру «мадам», присела в неловком реверансе и расцеловала Лилибет в обе щеки. Затем по приглашению сестры села на небольшой диван, обитый золотистым шелком. Кто угодно без труда признал бы в них сестер. Каждая — в скромном дневном платье с безупречно подобранной брошью и ниткой жемчуга на шее. В детстве их одевали одинаково, и время от времени старая привычка давала о себе знать.

Маргарет предстояло сделать признание. Она сообщила сестре о своей любви к капитану Королевских воздушных сил Питеру Таунсенду, бывшему конюшему их отца. Теперь он носил старинное звание контролера двора королевы-матери — второй по старшинству чин в придворной администрации — и ведал повседневными делами недавно овдовевшей королевы. Высокий, стройный, с твердым и пристальным взглядом пронзительных серо-голубых глаз, ее избранник походил на кинозвезду. В придачу он был самым настоящим героем войны, одним из «Немногих» — тех самых пилотов, сражавшихся в Битве за Британию, которая спасла страну от нацистского завоевания. Медали, украшавшие его синий мундир, убедительно свидетельствовали о его доблести.

Со дня безвременной кончины отца, короля Георга VI, Маргарет все больше искала утешения в Таунсенде. Виски, таблетки, транквилизаторы и сигареты мало помогали справиться

ся с захлестнувшей ее тоской. Казалось, что только Питер — мягкий, спокойный, нежный — мог поднять ей настроение.

Взаимная симпатия возникла задолго до смерти короля. Но его уход в феврале этого года подтолкнул их друг к другу. В то первое беззаботное время Питер часто смеялся над шутками Маргарет, сама же она всегда чувствовала его надежное плечо. Они поддерживали друг друга, и со временем их дружба переросла в нечто большее, значительно большее.

Питер был шестнадцатью годами старше и имел двоих сыновей школьного возраста, но не это послужило поводом к разговору с сестрой. Нет, причина, по которой Маргарет сидела здесь, скромно сложив руки, ничем не проявляя своей склонности к театральным сценам, заключалась в его предстоящем разводе с женой Розмари. Она хотела обсудить связанные с этим осложнения.

С прошлого ноября, когда Питер Таунсенд начал судебное дело о разводе, с глазу на глаз они вели очень неопределенные разговоры о своем союзе в неизвестном будущем.

Хотя Питер был пострадавшей стороной — по крайней мере, в той версии, которая предназначалась для общественности, — факт оставался фактом: Питера Таунсенда ожидал статус разведенного. Это слово на букву «р» повисло между ними, словно заряженная граната, и оба понимали его зловещий смысл. По иронии судьбы, сестры впервые обсуждали вопрос о разводе в Бельгийских покоех. Именно там проживал их дядя Дэвид, король Эдуард VIII, во время своего краткого пребывания на престоле, от которого он отрекся ради любви к Уоллис Уорфилд-Симпсон, дважды разведенной американке.

По Акту о королевских браках 1772 года принцесса Маргарет — третья в очередности наследования престола после принца Чарльза и принцессы Анны — была обязана просить у королевы разрешения на брак с любым претендентом на ее

руку, не говоря уже о разведенном. Сестры знали, что учение их церкви резко осуждало развод и что королеве, защитнице веры, не следовало отступать от нравственных устоев. Они представляли даже интонацию, с которой хворающая королева Мария вынесет свой вердикт, если узнает о секрете Маргарет.

Но времена менялись. Позволит ли Лилибет младшей сестре, одной из претенденток на престол, выйти замуж за разведенного? В своей мягкой розовой ладошке она держала счастье, а с ним и жизнь Маргарет. Старшая сестра всегда критиковала младшую. Теперь же, став королевой, она вершила ее судьбу. Предстояло принять серьезное решение, которое раз и навсегда определит направление их судеб и повлияет на репутацию королевской семьи.

Кратко изложив суть дела, Маргарет внимательно наблюдала за сестрой и ожидала большего удивления с ее стороны. Очевидно, влюбленные не проявили достаточной осторожности, хотя Маргарет полагала, что они оба были осмотрительны. По-видимому, придворные языки уже обрисовали картину происходящего сестре и не преминули разукрасить деталями.

Королева ничем не выдала своих чувств, но новость не входила в разряд приятных, особенно учитывая приближение коронации, назначенной на июнь. Церемония воспринималась обществом как один из самых значительных моментов в правлении монарха, и никакая помеха не допускалась. Елизавета знала Питера Таунсенда и хорошо к нему относилась. Она ценила его спокойную манеру во взаимоотношениях с ее отцом,

нередко бывавшим капризным. Порой король, расчувствовавшись, называл героя войны сыном, которого никогда не имел.

Королева пребывала в смятении. Во время собственной долгой «темной ночи души»*, когда отец пригласил Елизавету сопровождать его в поездке по Южной Африке и просил оставить возлюбленного, принца Филиппа, именно Марго показала себя самой преданной из преданнейших сестер. Она всегда принимала ее сторону и хвалила Филиппа в присутствии родителей. И Таунсенд был совсем не похож на Уоллис Симпсон, американскую жену дяди Дэвида, которую на дух не переносила королевская семья. Он пользовался популярностью во дворце, им восхищались и его уважали за военные заслуги, невозмутимый нрав и организационные способности.

Здесь было над чем задуматься. Елизавета — уже не просто старшая сестра, а королева — имела конституционные обязанности и обязательства. Маргарет не просила у нее официального разрешения на брак. Пока. Она выразила надежду, что Питера начнут чаще приглашать на семейные вечера. Это позволило бы всем взглянуть на него как на подходящую партию. Они с Питером были готовы к постепенному развитию событий. Маргарет намекнула сестре, что удовольствуется маленькими уступками, а не открытой поддержкой брака.

Елизавета перевела взгляд в окно, выходящее в сад. Маргарет усмехнулась про себя: она знала эту привычку сестры смотреть в окно, принимая решения. В тишине, нарушаемой только громким стуком часов северского фарфора на каминной полке, королева сообщила, что у нее есть идея.

---

* Отсылка к названию произведения испанского поэта Иоанна Креста (прим. пер.).

Глава 1

Восход Солнца и Луны

Единственным, в чем проявлялось сходство Дэвида и Берти, было их пристрастие к модной одежде. Однако первый одевался броско, питал слабость к свитерам с геометрическим рисунком в стиле Fair Isle, двухцветной обуви и брюкам с отворотами. Другой же отличался консервативным вкусом и предпочитал одежду, сшитую на заказ у лучших портных. Берти проводил долгие часы в мастерских закройщиков, рассматривая эскизы, обсуждая и примеряя новые фасоны костюмов на все случаи жизни — от придворных раутов и государственных приемов до пантомим¹.

В остальном — и в манере поведения, и по характеру — братья разительно отличались. Один был создан для солнечного света, другой — для сумерек. Один — молодежавый и оживленный, с гладкой кожей, почти не требующей бритья. Несмотря на хрупкое телосложение, он шел уверенной поступью и обла-

дал энергичным духом. Другой, щедушный и нервный, легко впадал в бессмысленную ярость и страдал от множества изнурительных недугов, начиная от проблем с желудком и сильного заикания и заканчивая нервным глазным тиком и судорогами, болезненно кривившими рот. Один веселился ночи напролет, соблазнял незамужних девиц и замужних дам и терпеть не мог венценосного отца. Другой беспрекословно подчинялся воле монарха, проявил благоразумие в выборе жены и вел образ жизни, «более соответствующий королевским традициям». Их отец постоянно сокрушался, что один из сыновей «шел по неверному пути», и отмечал, что другой способствовал укреплению достойного образа монархии, «подавая пример идеальной семейной жизни»². Даже Уоллис Уорфилд-Симпсон, американская пассия принца Уэльского, отмечала полную противоположность двух братьев: ее любовник — «сама непринужденность и энтузиазм... а герцог Йоркский тих и застенчив»³.

Выбор каждого из них — Дэвида, старшего сына и наследника династии Виндзоров, и Берти, бывшего на полтора года младше, — оказал непосредственное влияние на будущее дома Виндзоров. Их решения круто изменили и судьбу дочерей Берти, Елизаветы (Лилибет, как ее называли в семье) и Маргарет. У их деда, короля Георга V, зародилось недоброе предчувствие относительно будущего семьи еще в дни празднования своего серебряного юбилея в 1935 году. Тогда король горестно заметил о старшем сыне и наследнике — принце Уэльском, будущем короле Эдуарде VIII, бывшем на тот момент сорокалетним холостяком, не помышлявшим о браке и продолжении династии: «После моей смерти мальчик загубит себя

Отречение от престола Эдуарда VIII ради брака с дважды разведенной Уоллис Уорфилд-Симпсон перевернуло жизни брата и его дочерей и навсегда изменило семейные взаимоотношения.

за год. Я молюсь Богу, чтобы мой старший сын никогда не женился и не имел детей, чтобы ничто не встало на пути Берти и Елизаветы к трону»⁴.

Молитва короля была услышана. Отречение от престола Эдуарда VIII ради брака с дважды разведенной Уоллис Уорфилд-Симпсон перевернуло жизни брата и его дочерей и навсегда изменило семейные взаимоотношения. Решение дяди бросило сестер в пожизненные объятия монархии и сформировало их именно такими, какими они стали.

В массовом сознании существует убеждение, что каждому поколению дома Виндзоров досаждают чья-то тень, как в случае с Дэвидом и Берти. Достойный сын против непутевого. Мятежный экстраверт против благоразумного интроверта. Открытый прямолинейный Уильям и «бунтарское дитя» Гарри. Скромница Диана и неумная Ферги. Солнце и Луна. Эти стереотипы часто скрывают не меньше, чем разоблачают. И вместе с тем каждый в королевских парах братьев и сестер, подобно всем другим братьям и сестрам, следует этому закону асимметрии, занимая не занятое другим психическое пространство.

Как заметила однажды принцесса Маргарет своему другу и писателю Гору Видалу: «Когда из двух сестер одна — королева, которая должна служить образцом благородства и всего что ни на есть хорошего, другая обречена на самую изобретательную вредность, она — злая сестра»⁵. Безусловно, ее поведение порой выставляло старшую сестру в особенно выгодном свете, и Маргарет с легкостью скатывалась к стереотипу «паршивая овца». Но такая репутация волновала ее не больше, чем пепел на кончике сигареты в неизменном мундштуке. «Строптивость — моя отрада»⁶.

Маргарет достаточно знала себя, чтобы осознавать тонкое различие между образом «завистницы королевы», созданным вокруг нее средствами массовой информации, и более слож-

ными чувствами молодой женщины, находившейся в тени старшей сестры. «Я никогда не страдала комплексом «второй дочери». Но я всегда возражала против ярлыка «младшая сестра»⁷. Как пронизательно отметил один из друзей: «Она чувствует себя дочерью короля, а не сестрой королевы»⁸. То есть частью главной королевской семьи, а не ее боковой ветви, к которой она стала принадлежать после коронации Елизаветы. Маргарет никогда не говорила, что хотела бы поменяться местами с сестрой. Любого, кто готов был ее слушать, она уверяла, что цель ее жизни состояла в том, чтобы помочь сестре нести тяжкое бремя ее статуса. Однажды она заметила: «Ну не удача ли, что Лилибет — старшая?»⁹ В то время как Маргарет злилась на ограничения, налагаемые королевской жизнью, Елизавета стоически их приняла.

Сестры пререкались и конфликтовали, сталкиваясь лбами как по серьезным поводам, так и по пустякам, но они любили друг друга. Эти переходы от привязанности к отчуждению, от искренней любви к примитивной ревности составляли суть сокровенного мира двух сестер, Елизаветы и Маргарет.

Обе сестры появились на свет в двадцать первый день месяца, но на этом сходство в обстоятельствах их рождения заканчивалось. Елизавета родилась 21 апреля 1926 года в лондонском районе Мэйфер в семье принца Альберта, герцога Йоркского, и Елизаветы Боуз-Лайон. Этот год оказался особенно тяжелым для Британии, зажатой в тисках промышленного хаоса и всеобщей забастовки. К моменту появления Елизаветы на свет градус общественного интереса к ней сильно повысился, так как грядущее рождение младенца королевских кровей отвлекало внимание от национального кризиса. Пе-

ред резиденцией под номером 17 на Брютон-стрит собралась толпа, когда наконец, в 2:40 утра, Елизавета пришла в этот мир в результате кесарева сечения. В соответствии с древней традицией во время родов присутствовал министр внутренних дел сэр Уильям Джойнсон-Хикс, дабы избежать подмены новорожденной¹⁰.

Вскоре прелестная голубоглазая малышка превратилась в мощный символ семьи, преемственности и патриотизма. Почти через месяц, 19 мая, Елизавету Александру Марию крестили в часовне Букингемского дворца. Обряд крещения совершил архиепископ Йоркский д-р Космо Гордон Лэнг. Малютка принцесса вызвала такой ажиотаж, что толпа в радостном возбуждении прорвала полицейский кордон у дворца, чтобы хоть краем глаза взглянуть на высокородное дитя. В ее аристократичном имени таилось предзнаменование королевской судьбы. Согласно Акту о престолонаследии 1701 года ее восшествие на престол было бы маловероятным в случае рождения наследника у ее дяди Дэвида. Тем не менее о ней говорили как о будущей надежде нации. Одна из газет отметила, что «перспектива превращения маленькой незнакомки с Брютон-стрит в будущую Королеву Великобритании (возможно, даже во вторую королеву Елизавету) выглядит интригующе»¹¹.

Появление новорожденной прервало относительно спокойное течение жизни ее августейших родителей: они оказались на первых страницах газет и журналов. Прошла уже не одна неделя с момента рождения Елизаветы, а тротуар перед лондонской резиденцией Йорков по-прежнему наводняли восторженные толпы почитателей. Порой, чтобы совершить ежедневную прогулку, коляску приходилось выносить тайком с заднего хода.

Со временем мать Елизаветы стал беспокоить столь резкий всплеск внимания. Впоследствии она писала свекрови, королеве Марии: «Меня почти пугает такая всенародная любовь.

Я полагаю, что это хорошо, и надеюсь, что она окажется ее достойной, моя дорогая бедняжка»¹².

Беспрецедентное внимание не ограничивалось толпами на улице. С самого рождения вспыльчивый дед, король Георг V, души не чаял в Елизавете. Вскоре широкое хождение получили рассказы о том, как ангельская малютка покорила сердце непреклонного монарха. Хотя он имел дурную славу тирана как собственных детей, так и служащих, Елизавета была исключением.

Архиепископ Кентерберийский вспоминал случай, когда внучка таскала монарха за седую бороду, а он полз за ней на коленях по полу, изображая лошадь. «Он любил обеих внуков, сыновей принцессы Марии, — вспоминала графиня Эйрли, — но Лилибет всегда шла первой среди его привязанностей. Он играл с ней, чего я никогда не наблюдала в отношении его собственных детей. Он любил, чтобы она находилась рядом»¹³. Король отмечал малейшие достижения внучки. Он послал радиogramму сыну и невестке, которые находились на борту линейного крейсера *Repown* на пути в Австралию, с сообщением о том, что у внучки прорезался первый зуб. Она завоевала сердце монарха. Однажды на Рождество в Сандрингеме трехлетняя Елизавета слушала рождественскую песенку «Когда пастухи пали свои стада во тьме ночи». Услышав «вам и всему человечеству» («to you and all mankind»), она, перепутав слова, наивно воскликнула: «Я знаю такого старого и доброго человека (old man kind)! Это вы, дедушка! Вы старый и очень, очень добрый»¹⁴.

Крошка Елизавета внимательно прислушивалась к словам «дедушки Англии» о порядочности, долге и трудолюбию. Эти моральные ценности поддерживались строгими правилами в доме и преданным персоналом в детской, который включал няню Клару Найт, известную как Ала; Маргарет «Бобо»